

«Между Сциллой и Харибдой»: к вопросу о назначении Н.К. Гирса министром иностранных дел России

Владимир Куликов

«Between Scylla and Charybdis»:

on the appointment of N.K. Girs as Minister of Foreign Affairs of the Russia

Vladimir Kulikov

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012935-9

Процесс принятия кадровых решений правительством императорской России в отечественной историографии изучен недостаточно полно. Лишь в последнее время появились работы, затрагивающие различные аспекты данной темы как на высшем, так и на региональном уровне¹. В этой связи значительный интерес представляет исследование вопроса о назначении Николая Карловича Гирса министром иностранных дел. Впервые этот вопрос был затронут в моём диссертационном исследовании². Источниковой основой данной статьи послужили документы АВПРИ и ГА РФ, дневники и воспоминания высокопоставленных чиновников (военного министра Д.А. Милютина, дипломата Ю.С. Карцова, сенатора и цензора Е.М. Феоктистова), а также материалы ведущих петербургских газет того времени, уделявших значительное внимание вопросам внешней политики. Биографические сведения о дипломатах, фигурировавших среди возможных претендентов на пост главы внешнеполитического ведомства, взяты в основном из научной и справочной литературы.

Н.К. Гирс родился 9 мая 1820 г. в Волынской губ. Он происходил из дворянского рода шведского происхождения, его предки служили России с середины XVIII в. Завершив обучение в Царскосельском лицее (1838), он поступил на дипломатическую службу и прошёл все ступени карьерной лестницы. Начав службу младшим помощником столоначальника в Азиатском департаменте МИД, он в 1841 г. был переведён в заграничный аппарат ведомства. В 1849 г. женился на О.Е. Кантакузен — племяннице кн. А.М. Горчакова³, будущего министра иностранных дел. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в его карьере. В 1856 г. Гирс получил первую самостоятельную долж-

© 2021 г. В.И. Куликов

¹ Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. М., 2012; Любичанковский С.В. Механизмы карьерного роста и падения реформаторов эпохи Александра II: казус П.А. Валуева и Е.И. Барановского // Уральский исторический вестник. 2015. № 4; Семёнова Н.Л. Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII — первая четверть XIX века) // Новый исторический вестник. 2016. № 2; Кунавин К.С. Карьера Б.П. Мансурова как пример взаимоотношений «правительство—чиновничество» во второй половине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. Вып. 5—6; и др.

² Куликов В.И. Борьба в России по вопросам внешней политики (1878—1881 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 16.

³ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894—1896 / Сост. И.А. Дьяконова. М., 1991. С. 443.

ность — генерального консула в Египте, а через два года — в Молдавии и Валахии. В 1863—1875 гг. он последовательно возглавлял дипломатические представительства в Тегеране (Персия), Берне (Швейцария) и Стокгольме (Швеция), в 1875 г. переведён в центральный аппарат министерства, где стал товарищем министра и одновременно директором Азиатского департамента⁴. Наконец, в марте 1882 г., после отставки Горчакова, Гирс получил должность министра иностранных дел и занимал её до своей кончины в 1895 г. Однако этому назначению предшествовал довольно продолжительный период политической неопределённости, закулисных интриг и ожесточённой борьбы.

Внешнеполитическое ведомство занимало особое положение в министерской системе императорской России. Во-первых, оно, наряду с Военным и Морским министерствами, находилось под постоянным вниманием со стороны монархов. Министр иностранных дел фактически являлся помощником императора в вопросах внешней политики. Во-вторых, руководители ведомства, как правило, занимали этот пост достаточно долго. Рекордсменом был К.В. Нессельроде, возглавлявший МИД, несмотря на смену трёх императоров, почти 40 лет. Да и предшественник Гирса Горчаков управлял министерством более четверти века⁵.

Процесс разработки и принятия внешнеполитических решений не был в полной мере урегулирован на законодательном уровне и в значительной степени основывался на унаследованных от прошлого традициях. Исключительными прерогативами в этой области пользовался носитель верховной власти — император. Ему непосредственно подчинялось Министерство иностранных дел. Возглавивший его в апреле 1856 г. Горчаков имел к тому моменту почти 40-летний опыт дипломатической работы, глубоко знал все её тонкости и сумел провести ряд реформ. Начал он с того, что добился отмены введённого в 1851 г. для выпускников Царскосельского лицея ограничения поступать на службу в МИД⁶. Позже успешно осуществил другие преобразования: принято новое «Учреждение Министерства иностранных дел» (май 1868 г.); реорганизован центральный аппарат; значительно расширена сеть дипломатических и консульских представительств; для желающих поступить на службу введены строгие экзамены; усилено коллегиальное начало в принятии решений, для чего стали регулярно созываться межведомственные Особые совещания по вопросам внешней политики, к работе которых привлекались министры (военный, морской, финансов и др.), послы и посланники, военные чины⁷.

⁴ Рыбачёнок И.С. Брак по расчёту. Н.К. Гирс и заключение русско-французского союза // Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатъева, И.С. Рыбачёнок, Г.А. Санина. М., 1992. С. 257—259.

⁵ Похлёбкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. 1. М., 1992. С. 220; Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 / Отв. ред. Д.И. Раскин. Т. 4. СПб., 2004. С. 12—13.

⁶ АВПРИ, ф. 159, оп. 731, д. 27, л. 45 об. Благодаря этому Царскосельский (Александровский) лицей занял лидирующие позиции в подготовке чиновников для внешнеполитического ведомства, каждый десятый его выпускник шёл на службу в МИД. Поэтому неудивительно, что шесть руководителей министерства второй половины XIX — начала XX в. являлись выпускниками лицея, а совокупное время их пребывания на посту составило более полувека.

⁷ Игнатъев А.В. А.М. Горчаков — министр иностранных дел (1856—1882) // Отечественная история. 2000. № 2. С. 4—5; Хевролина В.М. Министерство иностранных дел России в 1856—1878 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 8—11, 17—18.

Вместе с тем осуществление этих преобразований не привело к преодолению кастовой замкнутости министерства. Не удалось также полностью избавиться от ведомственного соперничества (прежде всего с Военным министерством). Сохранялась определённая обособленность Азиатского департамента, что затрудняло координацию внешнеполитической деятельности государства в целом.

Важнейшей новацией при Горчакове стало взаимодействие с прессой. К официальной печати в тот период относились газеты «Правительственный вестник», «Русский инвалид», «Journal de Saint-Petersburg» (последняя издавалась на французском языке и считалась органом МИД)⁸. Правительство использовало их для публикации официальных сообщений. В АВПРИ сохранились черновые варианты статей, подготовленных чиновниками МИД для газет⁹. Однако официальная печать считалась в правительственных кругах неподходящим местом для ведения полемики — в особенности по вопросам внешней политики. Опрометчивая статья могла бросить тень на правительство и даже привести к осложнению отношений с другими странами. Это вынуждало прибегать к официозу, т.е. газетам, выражавшим точку зрения правительства, но при этом не являвшимся его органами. У министерства и лично Горчакова на рубеже 1870—1880-х гг. таковым являлась петербургская газета «Голос»¹⁰, издававшаяся журналистом А.А. Краевским. Статьи для неё обычно писал помощник министра старший советник МИД А.Г. Жомини, прекрасно владевший пером.

Конечно, ведомство стремилось влиять и на другие газеты. Как следует из объяснений П.А. Сабурова, занимавшего видное место в дипломатической иерархии тех лет, поощрялось налаживание личных связей между отдельными дипломатами и редакторами газет¹¹. Результатом таких контактов являлось, как правило, появление в прессе инспирированных министерством статей.

Связь между дипломатическим ведомством и издателями газет не сводилась только к манипулированию прессой со стороны МИД. В условиях политического кризиса рубежа 1870—1880-х гг. пресса вышла из-под контроля правительства и получила возможность влиять на формирование общественного мнения. Так, например, военный министр Д.А. Милютин сетовал на немцев, которые «не хотят верить, что, несмотря на самодержавное правление, у нас журналистика может иметь известную свободу в выражении мнений о вопросах внешней политики»¹². Безусловно, определение цели и задач таковой происходило в высших правительственных и дипломатических сферах, куда не было доступа журналистам. Они могли только догадываться, что творится в министерских кабинетах. Но, освещая то или иное событие международной жизни, давая ему собственную оценку, они тем самым оказывались причастными к выработке курса. Это влияние, конечно, не следует преувеличивать. Для изучаемого периода оно знаменательно прежде всего как новое явление, не имевшее самостоятельного значения ранее.

⁸ Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 83—84; Рыбачёнок И.С. Реформирование российского МИД в 1802—1914 гг.: основные этапы, тенденции и результаты // Российская история. 2020. № 6. С. 106.

⁹ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1879 г., д. 111, л. 327, 331—335, 341—345 и др.

¹⁰ Сказкин С.Д. Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 92.

¹¹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 479, л. 18.

¹² Милютин Д.А. Дневник / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 3. М., 1950. С. 162.

На участие в разработке и осуществлении внешней политики страны претендовало также Военное министерство. Особенно преуспело оно в решении вопросов азиатской политики. Отчасти это объяснялось ролью военного фактора в политике России в регионе. Но немаловажное значение имела, конечно, и личность самого Милютин, занимавшего должность главы ведомства с мая 1861 г. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он приобрёл исключительное влияние на Александра II¹³, присутствовал при всех докладах Горчакова и Гирса императору. С ним искали сближения дипломаты, мечтавшие когда-либо сесть в кресло министра иностранных дел. Тот же Гирс без поддержки Милютин не решался ни на один серьёзный шаг.

Сильной стороной военного министра было наличие собственной программы. Он выступал за восстановление союзнических отношений с Германией, мечтал об объединении балканских государств в конфедерацию и настаивал на проведении твёрдой политики в Средней Азии. Несмотря на очевидную наивность и политический романтизм некоторых положений (это в первую очередь относится к его записке о Балканской конфедерации, подробно исследованной в монографии Н.С. Киняпиной¹⁴), само наличие такой программы свидетельствовало о серьёзности намерений и прочности позиций Милютин в правительстве.

Впрочем, ему приходилось считаться с оппозицией в собственном ведомстве. Ряд влиятельных генералов (М.Д. Скобелев, М.Г. Черняев, Р.А. Фадеев) разделяли внешнеполитические воззрения славянофилов, недовольных уступками на Берлинском конгрессе. Кроме того, Скобелев фактически возглавил группировку сторонников союза с Францией. Определённые проблемы создавал и туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, настаивавший на проведении наступательной политики. Милютину нередко приходилось сдерживать воинственные устремления части военных кругов и русской администрации в этом регионе.

Совершенно иным было положение в МИД. Там на рубеже 1870—1880-х гг. царил атмосфера неопределённости. Формально во главе ведомства находился Горчаков. Талант, огромный государственный опыт и независимость характера справедливо снискали ему заслуженную славу выдающегося дипломата. До начала Восточного кризиса середины 1870-х гг. он уверенно держал в руках все нити управления внешней политикой. Ситуация стала меняться в период русско-турецкой войны, когда возросло значение военных кругов в принятии политических решений. Преклонный возраст и болезни не позволяли Горчакову с прежней энергией участвовать в осуществлении внешней политики страны. Последние годы его пребывания на посту оказались отягощены серьёзными политическими разногласиями с императором и его ближайшим окружением¹⁵. Канцлер настолько сдал физически, что Александр II не желал видеть его во главе российской делегации на Берлинском конгрессе и упорно искал предлог для его отстранения. В итоге Горчаков отправился на конгресс

¹³ Киняпина Н.С. Дипломаты и военные. Генерал Д.А. Милютин и присоединение Средней Азии // Российская дипломатия в портретах. С. 235.

¹⁴ Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898). М., 1994. С. 14—20.

¹⁵ Сказкин С.Д. Дипломатия А.М. Горчакова в последние годы его канцлерства // Сказкин С.Д. Избранные труды по истории. М., 1973. С. 413—414.

и формально считался первым уполномоченным России, но из-за состояния здоровья смог принять участие лишь в трёх заседаниях¹⁶.

Всё это предвещало скорую отставку. Предположения об этом появились в русской прессе сразу после окончания конгресса¹⁷. Ожидавшийся уход канцлера с политической арены освобождал пост министра, овладение которым могло означать установление контроля над внешней политикой со стороны той или иной группировки. В правительственных кругах началась закулисная борьба за «наследство» Горчакова, в которую включились три политические группировки: германофильская, профранцузская и славянофильская. Каждая имела собственную программу, пользовалась поддержкой видных государственных деятелей, боролась за влияние на монарха, а также стремилась установить контроль над министерством.

Наибольшим весом обладали сторонники восстановления традиционной русско-германской дружбы и остзейское дворянство, занимавшие ответственные посты в государственном аппарате. По моим подсчётам, в 1879 г. доля лиц немецкого происхождения в личном составе МИД составила 32,2%, а если учитывать только высших чиновников ведомства, то цифра возрастёт до 41,6%¹⁸. Так, например, во главе Департамента внутренних сношений с марта 1875 г. находился барон Ф.Р. фон дер Остен-Сакен; Департамент личного состава и хозяйственных дел в 1870—1879 гг. возглавлял А.Ф. Гамбургер, а с конца 1879 г. — барон В.А. Фредерикс; пост директора Канцелярии МИД с 1875 г. занимал А.А. Миллер; старшим советником министерства являлся барон А.Г. Жомини; министерскими архивами — Санкт-Петербургским и Московским — руководили бароны Д.Ф. Стюарт и Ф.А. Бюлер¹⁹. Видимо, это дало основание редактору «Московских ведомостей» М.Н. Каткову иронично называть МИД «иностранным министерством русских дел»²⁰. Не меньшую роль играли династические связи Романовых и Гогенцоллернов. Александр II приходился племянником Вильгельму I, супруга Александра II Мария Александровна была до замужества гессен-дармштадтской принцессой. Германофильские симпатии императора были широко известны, этот важный политический фактор не могли не учитывать в министерстве.

Особый характер отношений между двумя странами отражался на дипломатической практике. После образования Германской империи (1871) представительства России при германских княжествах не были закрыты. По состоянию на 1879 г., помимо посольства в Берлине, функционировали миссии в Веймаре, Гамбурге, Ганновере, Дармштадте, Дрездене, Карлсруэ, Мюнхене и Штутгарте²¹. Из представителей высшей политической элиты за сохранение традиционных связей с Германией выступали военный министр Милютин, директор Азиатского департамента Гирс, посол России в Лондоне П.А. Шувалов, П.А. Сабуров, возглавлявший русскую миссию в Афинах, а затем посольство в Берлине. Последний являлся, пожалуй, самым активным приверженцем рус-

¹⁶ Рыбачёнок И.С. Россия и Берлинский конгресс 1878 года // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 159.

¹⁷ Русский мир. 1878. 26 июля.

¹⁸ Подсчитано по: АВПРИ, ф. 159, оп. 713, д. 25.

¹⁹ Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. СПб., 1902. Приложения. С. 4—6; Высшие и центральные государственные учреждения... Т. 4. С. 16—17, 19, 21—23.

²⁰ См.: Феоктистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896 / Под ред. Ю.Г. Оксмана. Л., 1929. С. 62.

²¹ Очерк истории Министерства иностранных дел... С. 8—14.

ско-германского союза. Все эти государственные деятели (за исключением Шувалова) рассматривали в качестве главного соперника на международной арене Англию и в сближении с Германией видели ей противовес.

Другой влиятельной группировкой выступали сторонники сближения с Францией. Она состояла из двух сегментов. Ядро составляли либерально настроенные круги высшей бюрократии. Превращение Германии в первоклассную военную державу, вызвавшее тревогу в военных кругах страны, вовлекло в профранцузскую группировку часть военной элиты, надеявшуюся нейтрализовать угрозу. Однако окончательной консолидации этой группировки препятствовал ряд обстоятельств: ослабление Франции после франко-прусской войны, её пассивность в восточном вопросе, острое соперничество с Англией, социально-политический кризис в самой России. Кроме того, государственные деятели, отстаивавшие русско-французскую комбинацию, расходились по другим внешнеполитическим вопросам. Так, Горчаков и Скобелев, возглавлявшие «партии» профранцузской ориентации соответственно в МИД и Военном министерстве, по-разному смотрели на курс на Балканах и в Средней Азии²².

Третья влиятельная группировка — славянофильская — постепенно утрачивала позиции. Это было закономерно в свете русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и последующих событий. Тяжёлые последствия войны для России развенчали панславистский романтизм, отрезвляюще подействовали на общественное мнение. Московские славянофилы продолжали вести шумную пропагандистскую кампанию в прессе, резко критиковали русскую дипломатию²³. Конечно, это производило впечатление на часть общества и на иностранных наблюдателей, поддерживая у тех страх перед панславистской угрозой, якобы исходящей от России²⁴. Но на деле панславизм уже не являлся серьёзной силой в определении курса внешней политики страны. Так, правительство легко и быстро расправилось с признанным главой движения И.С. Аксаковым, выслав его из Москвы после обличительной речи, произнесённой им в адрес русской дипломатии за подписание ею Берлинского трактата.

Понимая свою внутреннюю слабость, наиболее дальновидные представители славянофильской общественности предпочли вступить в блок с той частью правящих кругов, которая разделяла те или иные их воззрения. Большие надежды они связывали с верхушкой русской военной администрации на Балканах — императорским комиссаром в Болгарии кн. А.М. Дондуковым-Корсаковым, главнокомандующим русской армией на Балканах генералом Э.И. Тотлебенем и др. Но настоящим кумиром был Н.П. Игнатьев. Рупором этой группировки по вопросам внешней политики выступали ежедневные газеты «Новое время» А.С. Суворина и «Русский мир» генерала Черняева.

Все эти сложные политические расклады приходилось принимать во внимание при решении вопроса о выборе нового руководителя дипломатического

²² АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 160/162, л. 12.

²³ *Адо В.И.* Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России // Исторические записки. 1961. Т. 69. С. 102.

²⁴ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 39/43, л. 132—133; *Kumpf-Korfes S.* Bismarck's Draht nach Russland. Berlin, 1968. S. 30—33.

ведомства. Основными претендентами на пост после Берлинского конгресса считались два сановника — Н.П. Игнатьев и П.А. Шувалов²⁵.

Игнатьев являлся видной фигурой в русской дипломатии 1850—1870-х гг. и был хорошо известен как в России, так и за границей. В течение ряда лет он занимал важные дипломатические посты: посланника в Пекине, директора Азиатского департамента, посла в Константинополе. Его подписи стояла под Пекинским (1860) и Сан-Стефанским (1878) договорами²⁶. Он слыл сторонником активной внешней политики, направленной на возрождение мощи России, и на него справедливо смотрели как на вероятного преемника Горчакова. В 1878 г. графу исполнилось лишь 46 лет, что казалось плюсом в борьбе за министерский пост. Наконец, заключение Сан-Стефанского договора позволяло надеяться, что благожелательная перемена в его служебной карьере произойдёт в самом скором времени. Однако договор вскоре стал объектом политических интриг со стороны западных держав и вверг Россию в сложную дипломатическую ситуацию. Справедливости ради надо отметить, что, по верному замечанию Н.С. Киняпиной, он оказался составлен без учёта международной обстановки²⁷. Но роковую роль в судьбе Игнатьева сыграла чрезмерная близость к славянофилам. Александр II опасался, что такое назначение в условиях противостояния России с западными державами ускорит разрыв с ними и сделает неизбежной новую войну. В результате граф даже не был включён в состав российской делегации на Берлинском конгрессе²⁸, что фактически завершило его дипломатическую карьеру. Позже, уже при Александре III, он возглавлял сначала Министерство государственных имуществ (март—май 1881 г.), затем МВД (май 1881 — май 1882 г.), но на внешнюю политику не оказывал никакого влияния²⁹.

Шувалов до перехода на дипломатическую службу был шефом корпуса жандармов и начальником III отделения Собственной е.и.в. канцелярии. За властный характер его за глаза именовали «Петром IV». Из-за разногласий с императором он оказался в «дипломатической ссылке» — с 1874 по 1879 г. возглавлял посольство в Лондоне. Хотя решение об этом назначении Александр II принял спонтанно, а сам Шувалов воспринял его весьма болезненно, справедливо посчитав его значительным карьерным понижением³⁰, деятельность на новом посту оказалась в целом достаточно успешной. Шувалов имел репутацию западника, в основе его внешнеполитической концепции лежала идея одновременного сближения с Англией и партнёрами России по «Союзу трёх императоров». Он являлся сторонником осторожной политики на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Русско-турецкая война и последовавшее за ней обострение русско-английских отношений вывели Шувалова на авансцену европейской политики. Весной 1878 г. он подписал с британским министром иностранных дел лордом Р. Солсбери секретное соглашение о пересмотре условий Сан-Стефанского договора, что открыло путь к созыву Берлинского конгресса. На са-

²⁵ Виноградов К.Б. Мировая политика 60—80-х годов XIX века: события и люди. Л., 1991. С. 105; Рыбачёнок И.С. Россия и Берлинский конгресс 1878 года. С. 152—153.

²⁶ Хевролина В.М. Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М., 2009.

²⁷ Киняпина Н.С. А.М. Горчаков: личность и политика // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения / Под ред. Е.М. Примакова. М., 1998. С. 83.

²⁸ Виноградов К.Б. Мировая политика 60—80-х годов XIX века... С. 112—113.

²⁹ Хевролина В.М. Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатьева // Российская дипломатия в портретах. С. 256.

³⁰ Хевролина В.М. Министерство иностранных дел России в 1856—1878 гг. С. 20—21.

мом конгрессе он фактически играл роль первого уполномоченного России. Это оказалось вершиной его дипломатической карьеры.

Берлинский трактат, как известно, в России встретили отрицательно. На Шувалова обрушился шквал критики — славянофилы называли его главным виновником дипломатической неудачи. Недовольство усиливалось и в правительстве. Как признавал впоследствии сам Шувалов, он «сыграл в Берлине роль козла отпущения»³¹. Но, несмотря на это, не отказался от мысли занять пост министра иностранных дел. Для этого необходимо было изменить представление о себе как о проанглийском политике³². Чтобы упрочить позиции, он предпринял попытку сблизиться с Милютиным и стоявшими за ним военными кругами, и в январе 1879 г., ранее всегда с опаской смотревший на действия военных в Азии, составил записку, в которой предложил в ответ на действия англичан в Афганистане организовать экспедицию в глубь Туркмении и захватить Мерв³³.

Но прочного сближения с Милютиным не произошло. Слишком различными были внешнеполитические взгляды этих двух государственных деятелей, и даже их обоюдная неприязнь к Горчакову не могла ничего изменить. Весной 1879 г. Шувалов допустил крупный политический просчёт: недооценив возможности московских славянофилов влиять на общественное мнение, поддержал непопулярную в их среде идею смешанной оккупации Восточной Румелии³⁴. Этот проект появился в декабре 1878 г. и предусматривал, что после ухода русских войск с Балканского полуострова в Восточную Румелию будет введён экспедиционный корпус государств-участников Берлинского конгресса. На Россию оказали сильный нажим, чтобы она согласилась с предложением о смешанной оккупации. Проект несколько раз рассматривался на особых совещаниях в Петербурге и был отклонён благодаря совместным действиям Горчакова и решительно поддержавших его в этом вопросе славянофилов. Милютин и Гирс в последний момент отмежевались от данного проекта, Шувалов же продолжал отстаивать его до конца³⁵. Противники последнего организовали утечку информации в прессу, и Александр II, уступая давлению общественного мнения, согласился отозвать его из Лондона³⁶. И хотя формально Шувалов занимал пост посла до конца 1879 г., его влияние на принятие внешнеполитических решений заметно ослабло.

Успех славянофильской группировки придал ей уверенность. Она стала помогать передаче поста министра кн. А.М. Дондукову-Корсакову³⁷. Последний разделял некоторые взгляды славянофилов на политику России на Балканах. Весной 1879 г. он, в то время императорский комиссар в Болгарии, руководил работой Народного собрания, одоббившего органический устав (конституцию) страны и избравшего её князя. Кстати, среди возможных претендентов на пре-

³¹ П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. Т. 4. С. 103.

³² В политических и дипломатических кругах Шувалова открыто называли «другом Англии». См.: Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. II. СПб., 1906. С. 521.

³³ АВПРИ, ф. 161, оп. 4, 1878 г., д. 1, л. 370—371.

³⁴ Восточная Румелия — южная часть Болгарии, получившая по условиям Берлинского трактата административную автономию, но оставшаяся в составе Османской империи.

³⁵ Куликов В.И. Разногласия в управляющих кругах на Руси относительно кандидатуры за болгарски княз и проекта за смесена оккупация на Източна Румелия (1878—1879 г.) // Эпохи. Великое Тырново. 1996. № 1. С. 67—69.

³⁶ Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. С. 143.

³⁷ Новое время. 1879. 11 августа.

стол называлось и его имя. Об этом заговорили, когда российский императорский комиссар высказал сомнения в способности принца Александра Баттенберга (кандидата, поддерживаемого официальным Петербургом) к управлению княжеством. Желая прекратить разговоры, Дондуков-Корсаков сам предложил, чтобы правительство официально заявило, что не допустит избрания болгарского князя из российских подданных (что и было сделано)³⁸.

По всей видимости, идея назначения Дондукова-Корсакова министром иностранных дел возникла в славянофильских кругах как некая компенсация за «добровольный отказ» от трона Болгарии. Однако перспектива выдвижения человека, близко стоявшего к славянофилам, вызвала серьёзную тревогу в Европе. Германские газеты, связанные с Бисмарком, немедленно отреагировали на это развёртыванием кампании против кандидата-«панслависта»³⁹. Но, по-видимому, и сам Александр II, не склонный к уступкам славянофильским кругам, не рассматривал кандидатуру Дондукова-Корсакова всерьёз. Вместо министерского кресла он получил назначение генерал-губернатором во внутренние районы России (сначала Харьков, затем Одесса), а при Александре III отправился главноначальствующим гражданской частью и командующим армией на Кавказ.

Осенью 1879 г. Александр II пришёл к мысли о назначении главой МИД кн. А.Б. Лобанова-Ростовского. Слухи об этом быстро проникли в прессу⁴⁰, и это несколько успокоило правящие круги Англии и Германии. Лобанов-Ростовский дважды возглавлял дипломатическое представительство России в Константинополе, где успел неплохо себя зарекомендовать. С целью урегулирования обострившихся русско-английских отношений, а также, по-видимому, для того чтобы будущий министр детально ознакомился с политикой главного противника России на Балканах и в Азии — Великобритании, он был назначен российским послом в Лондон вместо Шувалова. Причём Александр II определённо заявил, что в Англии тот пробудет недолго и вскоре сменит Горчакова⁴¹. Тем не менее император не спешил с принятием окончательного решения. Его преемник Александр III, не имевший перед Лобановым-Ростовским никаких обязательств, в 1882 г. перевёл его в Вену⁴². Постав министра он добился только через полтора десятилетия, уже при Николае II.

Гирс оставался в тени всё то время, пока велась сложная игра вокруг «наследства Горчакова». Никто из кандидатов в министры всерьёз его не воспринимал. Шувалов, например, пренебрежительно именовал его «клерком»⁴³. Однако нерешительность Александра II, его затянувшиеся колебания пошли Гирсу на пользу. Воспользовавшись фактическим самоустранением канцлера от повседневного управления министерством, он постепенно прибрал к рукам аппарат МИД и всё увереннее выступал в роли проводника внешнеполитиче-

³⁸ Куликов В.И. Разногласия в управляющих крѣгове на Русия... С. 65.

³⁹ Новое время. 1879. 9 сентября.

⁴⁰ Там же. 11 и 26 сентября.

⁴¹ Рыбачёнок И.С. Министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 97; Кушнарёв И.С. Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 19—20.

⁴² Ю.С. Карцов, некоторое время служивший под началом Лобанова-Ростовского, утверждал, что «император Александр III не доверял князю Алексею Борисовичу, и в его царствование князь едва ли бы сделался министром» (Карцов Ю.С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 11).

⁴³ Виноградов К.Б. Мировая политика 60—80-х годов XIX века... С. 138.

ского курса императора. Так, после Берлинского конгресса в период с июля 1878 по декабрь 1879 г. он почти десять месяцев являлся временно управляющим МИД⁴⁴.

Гирс слыл германофилом и по мере того, как в Петербурге брала верх линия на восстановление «Союза трёх императоров», его шансы стать министром возрастали. До времени он сохранял лояльность по отношению к Горчакову. Осенью 1879 г. на совещаниях в Ливадии втайне от Горчакова было принято решение о начале переговоров с Германией. Возник удобный повод для возбуждения вопроса об удалении канцлера от дел. 3 октября Гирс по уговору с Милютиным остался в кабинете у императора, чтобы поднять этот «щекотливый» вопрос. На другой день на тему отставки Горчакова с Александром II заговорил сам военный министр⁴⁵. Но эта интрига удалась лишь отчасти, Александр согласился только на частичные перемены на уровне послов. Горчакову удалось сохранить пост министра, однако всем было понятно, что император лишь в очередной раз отложил принятие окончательного решения.

В ноябре того же года одна из самых информированных петербургских газет — суворинское «Новое время» — впервые назвала Гирса наиболее вероятным преемником Горчакова⁴⁶. Достаточно хорошо ориентируясь в расстановке сил в правительстве, он сумел заручиться поддержкой Милютина, который покровительствовал ему, полагая, что через нерешительного министра будет легче проводить в жизнь собственную программу. Неплохие отношения установились у Гирса и с наследником престола вел. кн. Александром Александровичем (будущим Александром III). Хорошо информированный современник, дипломат Ю.С. Карцов вспоминал: «В качестве помощника канцлера А.М. Горчакова Н.К. Гирс следовал принципам официальной политики. Но это несколько не препятствовало ему служить орудием боковых стремлений Аничкова дворца (резиденция наследника. — *В.К.*) и пользоваться расположением всемогущего Д.А. Милютина»⁴⁷. С мая 1880 г. и до отставки Горчакова он, оставаясь товарищем министра и директором Азиатского департамента, одновременно исполнял обязанности временно управляющего министерством⁴⁸.

Впрочем, в 1880—1881 гг. у него неожиданно появился новый соперник — П.А. Сабуров, дипломат новой формации: инициативный, склонный к риску. Его самостоятельность в принятии решений порой граничила с открытым неповиновением начальству в лице министра. Для него единственным и безусловным авторитетом в коридорах власти был монарх. Сабурову приписывали афоризм: «Всякая политика хороша, раз она признана таковой монархом, дурным может быть лишь её исполнение»⁴⁹. Поступив на службу в дипломатическое ведомство в 1856 г., он оказался едва не уволен из-за участия в дуэли (поступок нетипичный для карьерного дипломата). Русско-турецкую войну он встретил, занимая второстепенную должность посланника России в Афинах. Тем не менее он сразу развернул кипучую деятельность: пытался склонить Грецию к участию в военных действиях, организовал доставку оружия в Фессалию, Эпир и на Крит, подготовил проект русско-греческого договора, имев-

⁴⁴ Очерк истории Министерства иностранных дел... С. 4.

⁴⁵ Милютин Д.А. Дневник. Т. 3. С. 170.

⁴⁶ Новое время. 1879. 24 ноября.

⁴⁷ Карцов Ю.С. Указ. соч. С. 356.

⁴⁸ Очерк истории Министерства иностранных дел... С. 4.

⁴⁹ Цит. по: Сказкин С.Д. Указ. соч. С. 92.

шего антибританскую направленность, который, правда, не одобрил Горчаков. Напористость и энергичность Сабурова заметили и должным образом оценили в Петербурге. Во многом благодаря поддержке Милютина в декабре 1879 г. его перевели на одну из важнейших дипломатических должностей — посла в Берлине⁵⁰. Комментируя это назначение, влиятельная венская газета «*Politische Correspondenz*» писала, «что в его лета в России редко дослуживаются и до звания посланника»⁵¹. Используя доверительные отношения с руководителем германской внешней политики кн. О. фон Бисмарком, Сабуров строил грандиозные планы окончательного решения Восточного вопроса в интересах России при содействии Германии⁵². Это, в свою очередь, должно было распахнуть перед ним двери министерского кабинета в здании у Певческого моста. Амбиции Сабурова подкреплялись тем, что его младший брат Андрей Александрович в апреле 1880 г. стал министром народного просвещения⁵³.

Гирс, полагавший, что «наследство Горчакова» уже досталось ему, разгадал честолюбивые устремления Сабурова, и между двумя дипломатами, несмотря на их принадлежность к германофильской группировке, произошла серьёзная размолвка. В итоге последний не только не получил вожеленного поста, но в 1884 г. был вынужден подать в отставку и навсегда уйти из МИД⁵⁴. Более того, в 1887 г. Гирс, воспользовавшись оплошностью Сабурова, показавшего редактору «Московских ведомостей» М.Н. Каткову воспоминания, содержащие информацию о секретном на тот момент «Союзе трёх императоров», указал на него как на основного виновника разглашения сведений, и тот с трудом избежал обвинения в государственной измене⁵⁵.

Александр II не успел решить вопрос о главе МИД, и Горчаков, большую часть времени проводивший на лечении за границей, формально оставался на посту. И только Александр III произвёл перемену, назначив 28 марта 1882 г. министром Гирса. Этот выбор полностью соответствовал представлениям нового императора о министерстве как инструменте реализации внешнеполитической линии монарха⁵⁶. Именно его стремлением твёрдо держать в руках руководство внешней политикой страны, а также умением Гирса лавировать между различными придворными группировками и укреплением позиций германофильской партии, добившейся в июне 1881 г. восстановления «Союза трёх императоров», и объясняется этот выбор. «Кто бы мог подумать, — писал Карцов, — пройдут какие-нибудь два-три года — и, одного за другим, преодолевая влиятельных противников в области нашей внешней политики, Н.К. Гирс делается пол-

⁵⁰ В 1879 г. Россия имела дипломатические представительства, возглавлявшиеся послами, лишь в шести государствах (Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Италия, Франция и Турция).

⁵¹ Цит. по: Голос. 1879. 27 декабря.

⁵² АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 39/43, л. 136—138.

⁵³ Высшие и центральные государственные учреждения... Т. 3. СПб., 2002. С. 118.

⁵⁴ Куликов В.И. П.А. Сабуров — «либеральный бюрократ» в МИДе // Проблемы социальной и политической истории России / Под ред. Р.Г. Пихои. М., 2009. С. 257—264.

⁵⁵ Александр III, по распоряжению которого проводилось расследование об утечке секретной информации, первоначально был настроен очень решительно и написал: «Если он это узнал, то только от изменника, требую, чтобы Катков назвал личность, от кого получил все эти сведения» (Феоктистов Е.М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы... С. 253).

⁵⁶ Александр III как-то сказал Гирсу: «Доколе в России самодержавие... об ответственности министра иностранных дел не может быть и речи» (Карцов Ю.С. Указ. соч. С. 358).